

Осип Афанасьевич Петров.

ГОДЫ ЕГО ДЕТСТВА И ЮНОСТИ.

1805 — 1838 гг.

Самым неблагоприятным поприщем художественной деятельности должна считаться, повидимому, сцена. В самом деле, никто не забывается так скоро и безповоротно, как актер и певец, пусть даже отмечен он печатью высокого дарования; умер он — и кончено все: с собой в могилу уносит он и слезы, и радости — высшую и благороднейшую награду современников, а вся цивилизующая сила его гения на завтра же скрывается в суете дня, замирает в шуме новостей. Писатель оставляет десятки томов сочинений, древняя картина иногда покупается на вес золота, между тем как актер, представитель искусства наиболее популярного из всех — и популярного не по случайным причинам — что же он оставляет по себе, кроме тесного кружка сознательных почитателей?... Умрут они — и самое имя артиста отходит в сторону, уступчиво давая дорогу более свежим, но столь же мало долговечным знаменитостям. Между тем должно помнить, что драматическое произведение, преследуя задачи наиболее широкие, чем какая-либо из отраслей прекрасного, — как произведение литературное, располагает, однако, средствами сравнительно скромными и актер по справедливости может быть назван вторым автором театральной пьесы: две самостоятельные и великие области изящного — пластику и музыку — вносит он на сцену, и тогда драматическое произведение соединяет в себе все отдельные роды искусства, а ведь этим и объясняется богатое преимущество и широкая популярность театра. Не даром Гоголь так тревожился постановкой „Ревизора” и умер, не дождавшись удовлетворительного выполнения своей комедии.

Мы убеждены, что имена таких художников сцены, каким следует считать Ос. Аф. Петрова, для русского общества не менее почтенны и дороги имен Глинки, Серова, Даргомыжского и Мусоргского и считаем поэтому, что предлагаемые сведения о ранней поре развития нашего знаменитого певца не будут найдены излишними.

Осип Афанасьевич Петров родился в гор. Елисаветграде, в 1805 г. В ревизских сказках 1811-го года ему показано 6 лет; эта запись подтверждается одним из местных старожилов, товарищем детства покойного артиста, Ив. Андр. Сорокиным: Сорокину теперь 79 лет, следовательно родился он в 1803 г., и он на два года старше Петрова.

Родственники Осипа Афанасьевича с материнской стороны, по фамилии Петровы, были елисаветградские 3-й гильдии купцы, «породы греческой», по выражению ревизских сказок, но значительно обрусевшие. Мать его, Авдотья Савельевна, отлично говорила по малороссийски; не высокого роста, полного телосложения, она выдавала свою «греческую породу» черными волосами и смуглым цветом лица. Большая по женской линии родня Петрова для судьбы его не осталась безследною, как увидим ниже; за то о родственниках его с отцовской стороны мы ничего не знаем и даже о самом отце его вряд-ли можно сказать что либо бесспорное. В ревизских сказках Осип Петров записан без упоминания отца: у Семена (Петрова) — племянник, рожденный от родной сестры, Авдотьи, Осип — и только всего. Никто из старожилов, известных нам, не знал лично и не слышал ничего об отце Осипа Афанасьевича, известного в детстве по уличной кличке «Ионка» (сокращенное Иосиф, по объяснению стариков).

Так как Петров был родом грек, и при этом родня его жила в приходе греческой церкви, почти даже рядом с нею, то естественно, мы обратились к метрикам этой церкви, ожидая найти там записи его рождения, бракосочетания его родителей и т. д. И действительно, против 2-го ноября 1805 г. мы прочитали следующие строки: «крестил иерей Стефан Грецкий младенца Иосифа, незаконнорожденного вдовствующею Евдокиею, елисаветградскою жителькою». По именам Иосифа и Евдокии и по хронологическим данным, запись подходит к Петрову. Других подобных записей нет, ни в греческой церкви, ни в соборе. Мы видели, что в ревизских сказках записан он без отца, именно так, как пишутся незаконнорожденные. Общее молчание об отце его соответствует тоже сущности дела. Сверх того, в греческой же церкви мы отыскивали еще одно указание, определенительно подтверждающее, что Евдокия —

мать незаконнорожденного Иосифа — действительно была никто другая, как Евдокия Петрова; а именно, в метрической книге 1788 г. (февраля 13-го) записано: «обвенчал иерей Григорий Сарафинович по троекратному обыску молодика Афанасия Иванова сына Лебедева с девицею Евдокиею, дочерью вдовы Марии, жительки елисаветградской, первым браком». Судя по ревизским сказкам, Евдокии Петровой в 1788 году должно было считаться 13 лет (в 1815 г. показано ей 40 лет), следовательно, по старым порядкам она беспрепятственно могла вступить в брак в этом году. Мать Евдокии Петровой действительно именовалась Марией и, пишется вдовой в ревизских сказках 1811 и 1815 гг., сохранившихся в архиве елисаветградской думы; в 1815 г. Марье Петровой показано 70 лет, следовательно, легко может быть, что она успела овдоветь еще до 1788 г. В ревизской сказке 1811 г. о семействе Петровых находим ссылку на ревизию 1795 г.: «по ревизии 1795 г. — породы греческой», — следовательно, они поселились в Елисаветграде в прошлом столетии.

Мы видели, что Евдокия — мать Иосифа — записана в 1805 г. вдовой; запись 1788 г. удостоверила, что Евдокия, по всем признакам — Петрова, была в замужестве; нам оставалось найти указание о смерти Афанасия Лебедева, мужа Евдокии, но, к сожалению, мы не нашли такого указания, хотя должны заметить, что в метриках греческой церкви не достаёт записей за целые 15 лет, именно 1791—1805 гг.

Наконец, обращаем внимание на следующее — странное, на первый взгляд — обстоятельство: Евдокия Петрова по мужу должна бы именоваться Лебедевой, между тем, незаконный сын ее назывался впродолствии Петров и имел отчество Афанасьевич. Однако, если и теперь предоставляется свобода в назначении отчества и фамилии незаконным детям, то в старину и подавно господствовал произвол относительно имен. В самом деле, мать Осипа Афанасьевича писалась «вдова Петрова» (а не Лебедева) еще в 1813 г., хотя и нет, указаний на бракосочетание ее с каким либо Петровым¹; следовательно легко могла она сообщить и сыну свою родовую фамилию, не утраченную в замужестве; что же касается отческого имени его, то оно могло быть взято от ее мужа, Лебедева, который, как мы видели, назывался Афанасием.

Годы детства и отрочества провел Осип Афанасьевич в доме бабушки, где жила также и вся его родня. Дом этот находился на углу Большой Быковской и Владимирского переулка². Отсюда ходил он в частную школу Шахова, где и свел знакомство с ним упомянутый выше Ив. А. Сорокин, учившийся вместе с ним и, к счастью, не забывший его. По указанию Сорокина, школа эта помещалась не далеко от дома, Петровых, в Васильевском переулке, а насупротив ее стоял дом Сорокиных³. О Шахове и школе его рассказывает и другое лицо, А. Е. Чистоганов, также учившийся у него, но несколько позже Петрова. Таким образом, мы можем пользоваться двумя показаниями, друг друга контролирующими и дополняющими.

Семен Шахов был отставной капитан артиллерии екатерининских и павловских времен, и, в воспоминание об этом, даже в учительском звании не покидал форменной косички. Службу свою окончил он не совсем счастливо и победоносно: ходил слух, будто он проиграл в карты тысяч шестнадцать казенных денег и потому был разжалован. Прежние привычки разгульной военной среды выдавали себя и после, когда старый служака обратился в педагога: частенько он запивал, хотя был и стар, и не богат, и руки тряслись; писал он, однако, не только четко, но каллиграфически-красиво. Требования порядка в школе Шахова были очень строгие. Вероятно, в видах приучения к дисциплине и послушанию, а быть может, для физического воспитания, он учил своих питомцев маршировке и военным упражнениям, для чего имелись даже деревянные ружья и сабли. Случай такого рода рассказывал нам о нем А. Е. Чистоганов: уходя за чем-то из школы (вероятно, выпить), учитель приказал воспитанникам сдать выученные уроки назначенному им старшему по возвращении учителя, один из них, не успевший ответить только-что перед тем выученного урока, обращается за этим к самому Шахову. Кажется, — правильно, а между тем, Шахов вне себя: «говорил я вам, чтобы сдавать урок старшему, а не мне? говорил или нет? В субботу оставайся!» А по субботам, надобно сказать, секли за целую неделю, и невинный мальчик наверно подвергся бы неумолимому наказанию, не вступись родня и не вымоли прощения. Школа Шахова занимала комнату сажени 1 ? куб.; помещалось в ней 10 — 12 человек, при чем мальчики и девочки учились вместе; ходили к Шахову купеческие дети, но отдавали ему детей и дворяне; плата бралась по условию, за весь курс, который для иных продолжался года три; за

выучку полагалось рублей пять, но платили и больше, если желали расширить курс обучения; краеугольными же камнями наук служили стародавние: часослов, псалтырь и счет. По отзыву А. Е. Чистоганова, Шахов одарен был природным умом и не лишен образования. По этому поводу, Чистоганов рассказывал нам следующий эпизод из своей школьной жизни. Однажды, в свободное время, лежал он на лавке, в школе, когда неожиданно вошел учитель. Сделав выговор за лень и невежливость, он обратился к ученику с такими словами: «вот, ты лежишь, ничего не делаешь и ни об чем не думаешь, а между тем, со всех сторон окружают нас предметы, достойные внимательного изучения; возьмем, например, травку; ты ее топчешь ногой, а размотри ее хорошенько, разбери ее по частям,— и ты убедишься, как разумно она устроена, откроешь в ней присутствие жизни, почувствуешь Божье дыхание»... и затем следовала популярная и увлекательная лекция ботаники, до сих пор памятная для старика Чистоганова, который и в настоящее время с большой любовью занимается садоводством.

Вот те условия школьного воспитания Петрова, которые сохранились в памяти двух елисаветградских старожилов. Что касается того, каковы были условия его домашней жизни в годы детства, об этом почти не имеется сведений. Известно, впрочем, что мать его долгое время занималась мелочной торговлей крамарными товарами⁴. Раннее указание на это находится в деле о чуме 1813 г, хранящемся в архиве елисаветградской думы: лавочка Петровой, в числе других, дезинфектировалась, в предупреждение заразы. Затем, в журналах елисаветградской думы за 1818 г. записано интересное прошение мелочных торговцев, в числе их — и Петровой. Заслуживает внимание причина, вызвавшая коллективную челобитную базарных торговцев. Следуя приказанию высшего начальства, городничий Стратимирович затеял в 1818 г. распланировку гор. Елисаветграда. Для украшения его, почел он целесообразным расширить базарную площадь. Но являлось затруднение в том, как поступить с лавченками крамарей, издавна торговавших здесь, людей бедных, в большинстве — не вышедших из долгов, и, к тому же, вперед уплативших думе аренду за место? Однако, городничий Стратимирович оказался человеком догадливым и расторопным: не медля ни мало, он приказал крамарям, без дальних проволочек, убрать безобразные лавченки. И вот, они прибегают к городской думе, заявляя, что ослушиваться приказаний начальства они не смеют, но замечая при этом, что с кредиторами расплатиться все-таки неизбежно надо, они просят, — если уж нельзя оставить их на старом месте, отвести новое. Заслушав эту просьбу, дума, по разным причинам, нашла не возможным удовлетворить ее, но губернское правление вступилось за крамарей и оставило их на прежних местах, пока не укажут других для сооружения новых, приличных лавок. Крамари успокоиваются, успокоивается и городничий, но дело не ладится почему-то. Через два года терпение его лопнуло и он снова приказал крамарям уходить с площади и торговать по домам. Тогда у них рождается замечательная мысль: просят думу позволить им торговать на старом месте, но в так называемых подташках, т. е. бараках; положим, что это не особенно красиво, но за то удобнее в том отношении, что в случае высочайшего проезда подташки можно убрать в один миг. Однако, дума не приняла этого оригинального предложения, а разрешила просителям строиться по казенным планам и фасадам, на той самой площади, где были.

И так, мы видим, что мать Осипа Афанасьевича весьма продолжительное время торговала трудами рук своих, и поэтому весьма вероятно, находилась в большой нужде. В 1820-м году, для найма ярмарочного места, ценою в 5 руб., она вступала в компанию с какою-то Марьей Довбенковой... Время было тогда тяжелое: неурожай и война 1812-го года произвели денежный кризис и дороговизну, многие разорились и потому переходили из купцов в мещане. Разстраивались дела и в семье Петровых: в 1813 г. умер старший мужчина в семье — Семен; в 1817 г. они записаны уже в мещанах; вероятно, не получая поддержки от родных и не имея средств для постройки новой лавки, Авдотья Савельевна около 1820-го года оставила торговлю; в прошении крамарей этого года подписи ее нет, так что последний раз имя ее, как базарной торговки, упоминается в 1818 г. С этим согласуется показание О. Д. Мирной, елисаветградской жительницы, помнящей Петрова с матерью. Бабушка Мирной, Е. Ю. Сараяда, была крестной матерью Осипа Афанасьевича; «Ионке» было лет 13 или 14, когда с своею матерью он поселился у «Сарандихи», по имени которой его называли также: «Саранденок». Авдотья Савельевна слыла отличной стряпухой, а «Сарандиха» не имела недостатка в тех праздничных днях, когда подавался на стол обед, приготовленный с известного рода роскошью: изготовление таких-то обедов и лежало на обязанности матери Петрова. О. Д. Мирная, тогда — маленькая девочка, жила с матерью, особо от бабушки; «Ионка» частенько приходил в гости к брату ее, Григорию, своему однолетку; Григорий играл на гитаре, а Петров

любил слушать музыку. Чаще всего проводили они время вне дома, в какой-то игре «на пряники» (вероятно, в «орла и решетку») и случалось, Григорий приносил по целому ящику домой. Петров слыл большим проказником и сорви-головой: всякое дебоширство, в городе-ли, в казенном-ли саду, валили на него, таких казусов случалось не мало. Дома он порядочно надоел, особенно — своей крестной: то посуду разобьет, то разольет молоко... Авдотья же Савельевна, женщина снисходительная и добрая, не имела большого влияния на шалуна. Истошив терпение, Екатерина Юрьевна посоветовала ей отдать мальчика куданибудь, лишь бы с рук сбить. Таким-то образом Осип Афанасьевич поступил в услужение к своему дяде, Константину Савичу Петрову, державшему погребок.

Время поступления Петрова к дяде определяется приблизительно Н. П. Новицким: по словам его, переехав в 1820-м году на жительство в Елисаветград, он застал «Ионку» уже в погребе. Здесь, за прилавком, протекла юность Осипа Афанасьевича, здесь зародилась в нем любовь к музыке и театру, здесь, наконец, сложилось решение поступить на сцену. Погребок этот ел и принадлежит в настоящее время А. Н. Пашутину, — тогда же составлял он собственность купчихи Турчаниновой; вход в него был с Большой улицы, а не с проулка, как теперь, и в сторону проулка он расширен. Торговля велась не только на вынос, но и распивочно, и для последней цели имелась комната особо от склада. Всеми этими подробностями обязаны мы И. А. Сорокину, но многие старики вспоминают об этой поре жизни Петрова. Впрочем, рассказы их относятся преимущественно к тому времени, когда Осип Афанасьевич стал уже взрослым молодым человеком. Однако, следует полагать, что Петров еще в первое время своей службы в погребе выучился игре на гитаре. Действительно, братья Иван Никитич и Николай Никитич Макаровы говорят, что Петров заходил к ним в лавку подростком, играл на гитаре и пел детским голосом. Гитара пользовалась тогда общей любовью городского населения и только около 1830-го года уступила место гармонике. Иные гитаристы доходили до замечательного совершенства и приобретали знаменитость на несколько губерний; к таким известным игрокам принадлежал и Кладовщиков, купец, привозивший в Елисаветград вина с Дона; сам он познакомился с этим искусством в Москве, у какого-то местного виртуоза, а от него, в своем погребе, научился Петров, и научился так хорошо, что на целый город не было лучшего гитариста: «пальцы у него бегали по струнам, как живые», по выражению одного елисаветградского знакомого Осипа Афанасьевича. Кроме гитары, Петров выучился играть еще на кларнете и на флейте; впоследствии он играл и на скрипке, но научился этому, вероятно, уже по выезде из Елисаветграда.

Таким образом, в начале юношеского возраста обозначаются в Петрове музыкальные наклонности и дарования. Позднее в нем родилась любовь к сцене. В Елисаветград являлись актеры на время, заездом из больших городов и чаще других приезжала труппа Жураховского: она-то, вероятно, и положила начало знакомства Петрова с театром. Обыкновенно, представления давались на базаре, вблизи от погреба Петрова и для них сколачивался там на живую руку балаган. По соседству, актеры заходили в погребок и кучивали там, а Осип Петров любил веселую компанию. Сам он не пил и никто не помнит его в нетрезвом виде, но за то доставляло ему живейшее удовольствие угощать и спаивать других; кто-то хвалился умением пить так, чтобы нос не заглядывал в рюмку и объяснял, что искусством этим обязан Петрову: «но много выпито было для того, чтобы научиться этому!» замечал кутила. Весьма вероятно, что от знакомства с актерами и от угощения их Осип Афанасьевич перешел к знакомству с театром; именно так передает это обстоятельство по слухам А. Е. Чистоганов.

Около середины 1820-х годов дядя Петрова выехал из города; по словам гг. Макеевых, он отправился в Родос, и пробыл там что-то долго, года полтора, или два. Не знаем, в его отсутствие или раньше, стал посещать театр Осип Афанасьевич, но несомненно то, что выезд дяди оказал решающее, в некотором смысле, влияние на поступление его в актеры. Уезжая из Елисаветграда, Константин Савич оставил погребок на ответственности племянника. Между тем последний оказался не во всех отношениях надежным сидельцем. Прежний мальчик «Ионка» к этому времени превратился в статного, красивого молодого человека и не одна Елисаветградская красавица вздыхала по нем и грезила им. Любил женское общество и Осип Афанасьевич, который, при всех своих преимуществах, слыл, к тому же, ловким танцором. Положим, это еще грех не особенно тяжкий и вполне извинительный для молодого красавца, тем более, что работы своей он не упускал никогда и ни под каким предлогом, и без сомнения все это окончилось бы благополучно, если бы в дело не вмешалась его широкая натура. Посещая все вечеринки,

свадьбы и все праздничные собрания, случавшиеся в купеческих и мещанских домах, живой по натуре Петров делал всевозможное для того, чтобы было весело всем. Услышит, что где нибудь свадьба, и тотчас является за переговорами: просит позвать интересующих его девушек, а сам добровольно берет на себя хлопоты по найму музыки и по доставке напитков. Не редко случалось, что хозяева рассчитывали устроить празднество поскромнее — и тогда Петров ставил угощение даром, из погребка дяди. Таким-то образом, торговые дела его пришли в состояние, далеко не блестящее, когда вернулся в Елисаветград Константин Савич. А надобно сказать, что Константин Савич, по единодушным отзывам знавших его лиц, человек был желчный, придирчивый, прямо — злой. Житье «Ионки» у него и прежде было, видно, не сладкое и посетители погребка не редко становились свидетелями побоев, достававшихся юноше в изобилии, — а тут дядя решительно уже вышел из себя. Подробности встречи его с племянником не известны, но рассказывают, что он собирался отдать его в солдаты, а кончил тем, что удалил его из погребка.

Не знаем, где и у кого проживал Петров с матерью во время службы в погребке, но всего вероятнее, что у Константина Савича, имевшего собственный дом⁵. По крайней мере, Ив. А. Сорокин говорит, что мать Петрова начала посещать их дом и заниматься стряпней для его семьи с того именно времени, как сын был уволен из погребка: должно быть, это последнее обстоятельство оказалось роковым и для Авдотьи Савельевны. С этого же времени и Осип Афанасьевич частенько стал заходить к молодому Сорокину, у которого имелись две собственные гитары; при этом, Сорокин любил театр, бывал в Харькове и видал там хороших актеров. Любовь к музыке и театру, недостаток средств для жизни и отсутствие занятий, наконец,—посредничество Сорокина решили дальнейшую судьбу Петрова.

Поступление Петрова на сцену Сорокин рассказывает следующим образом. Приехал на ту пору в Елисаветград крупный харьковский антрепренер, Штейн, с труппою в 92 человека, считая хор и балет. Представления новой труппы произвели на Петрова очень сильное впечатление и вскоре он входит в личное знакомство с театральным миром, при посредстве Сорокина. Однажды сидели они в квартире одного актера, знакомого Сорокину по Харькову, когда вошел сам Штейн, также известный Сорокину лично. Петров сыграл что-то на флейте и возбудил внимание опытного антрепренера.

— Кто это такой? — спросил он Сорокина.

— Он не имеет занятий — отвечал тот — человек свободный; хороший музыкант на нескольких инструментах, не дурно танцует и мог бы быть полезен вам.

Так завязалось знакомство Петрова со Штейном, к которому вскоре и поступил он на службу, как передает это Сорокин. Но в этом пункте в показаниях старожилов наткнулись мы на два противоречия. Во первых, некоторые из них, а именно Н. Н. Макеев и Н. П. Новицкий, утверждают, что Петров начал служить не у Штейна, а у Жураховского; первый из них, г. Макеев, уверяет, сверх того, что Штейн никогда и не бывал в Елисаветграде, а что Петров сам отправился к нему, в Харьков, прослуживши некоторое время в труппе Жураховского и отойдя от него; но с другой стороны, Ив. Н. Макеев и А. Е. Чистоганов поддерживают показание Сорокина, что Петров поступил не к Жураховскому, а к Штейну и не в Харькове, а в Елисаветграде, в Харьков же выехал с его труппой после дебюта. Другое противоречие касается местоположения театра, в котором дебютировал Петров: Чистоганов и Сорокин говорят, что театр находился на Большой улице, против бульвара, на пустопорожном дворе; там и теперь устраиваются балаганы, когда приезжает цирк или зверинец; двор этот, по словам Сорокина, с того времени никогда не застраивался (теперь он принадлежит Штейну); там же, во дворе, квартировал и тот актер, у которого произошла описанная сцена; наоборот, Н. Н. Макеев настаивает на том, что театра здесь не было, а дебютировал Петров на старом месте, на базаре. Мы полагаем, что сомневаться в правдивости рассказа Сорокина нет оснований. С одними и теми же подробностями он повторил его дважды, указал самолично двор, где находился театр Штейна; все остальные показания его подтверждаются другими источниками, даже в частности; с антрепренером он знаком был лично и твердо помнит его фамилию, тогда как прямо говорит, что забыл фамилию актера, у которого состоялось знакомство Петрова со Штейном. Сверх того, Чистоганов удостоверяет также, что Петров выступил в труппе Штейна и рассказывает о представлении двух пьес: «Козак-стихотворец» и «Русалка», помнит до

сих пор даже афишу первой, с именем Петрова. Наконен, тоже подтверждает и Ив. Никитич Макеев, младший брат Николая Никитича. С другой стороны, Новицкий говорит по слухам, а сам представлений Петрова не посещал, и с ним, а равно и с антрепренером, знаком не был, точно так же и Ник. Ник. Макеев, с тою только разницею, что он видел представление одной пьесы, с участием Петрова. Что театр против бульвара действительно был, это тоже не подлежит сомнению, в виду согласных показаний Сорокина и Чистоганова. Остается предположить одно: не участвовал-ли Петров раньше, в качестве любителя, в спейтаклях какой-нибудь труппы на базаре? Очень может быть, что небольшая заезжая труппа и воспользовалась временными услугами любителя-мещанина, особенно в то время, когда Петров угощал актеров в дядином погребке. Ник. Никит. Макеев говорит, что он видел Осипа Афанасьевича в пьесе «Козак-стихотворец» в том театре, который был на базаре, и что Петров исполнял роль отставного вахмистра (деньщика Демьяна, как передает Чистоганов, помнящий афишу). Не выступал-ли Петров два раза в этой роли: раз — на базарном театре, быть может даже — в труппе Жураховского, другой — у Штейна, на Большой улице?

И так, с уверенностью нельзя сказать, в каком театре дебютировал Осип Афанасьевич. За то мы имеем возможность возстановить впечатления елисаветградской публики от игры Петрова в труппе Штейна. Вот что рассказывает о ней А. Е. Чистоганов. На представление пьесы «Козак-стихотворец» посещал он случайно: в семействе купца, у которого он жил тогда, оказался билет в театр, вероятно, — привезенный и всученный актерами; но так как спектакль приходился накануне Троицы, то никто из семейства, кроме Чистоганова, не захотел идти на представление; в этот уже спектакль Петров произвел благоприятное впечатление — как счастливой наружностью и хорошим голосом, так и удивительной для новичка смелостью и ловкостью: «точно на сцене родился», по выражению рассказчика. Не знал Чистоганов и о назначении Петрову второй роли, в «Русалке», и совсем не собирался в театр, потому что было жарко, когда неожиданно пришли к нему товарищи с известием, что «Ионка» опять будет играть, и увлекли его в раек. Жара там, действительно, стояла порядочная, но зрители были вознаграждены прекрасной игрой своего знакомого. На этот раз Петров исполнял роль Тарабара и исполнял ее с самым непринужденным и заразительным смехотворством; особенно памятна Чистоганову забавная сцена с мешками, танцующими вокруг Тарабара: комическое недоумение и испуг его при виде такой неожиданности заставляли смеяться всю публику. Но еще большее впечатление производило пение молодого дебютанта. Когда Петров пропел:

„Кто бедным милости творит
И странникам дает покой,
Того и Бог благословит
Невидимой рукой”

— весь театр разразился единодушными рукоплесканиями.

Вслед за дебютом, Петров скрывается из Елисаветграда, и только в 1830 г. напоминает о нем Елисаветграду контора имп. Спб. театров. В конце этого года контора уведомила елисаветградскую думу о том, что Петров допущен к испытанию на звание актера императорских театров. Спустя два года после того, в 1832 г., контора сообщила, что «Петров, по оказываемой им совершенной к искусству сему (сценическому) способности, соделывается для театра весьма полезным». Затем, до конца 1833 г., когда Петров уволен был из мещанского общества, контора высылает следуемые с него платежи, за две ревизские души, а также обезпечение в исправности уплат на будущее время. При деле сохранилась выкладка, на которой значится: «с Осипа и Петра»; на основании ревизских сказок 1811 и 1815 гг. следует полагать, что это — двоюродный брат певца, Петр Семенович Петров. Сорокин знает по слухам двоюродного брата Осипа Афанасьевича, но имени его не помнит, говорит только, что он жил в Николаеве. В его пользу Осип Афанасьевич отказался от дома, оставленного Константином Савичем, который умер, когда племянник жил уже в Петербурге.

Вскоре после поступления на столичную сцену, Петров выписал к себе мать свою и она заняла какую-то должность в театре.

В 1838 г. посетил его в Петербурге Сорокин. Осип Афанасьевич был уже женат и имел трехмесячного первенца. О себе сказывал, что получает 3,500 руб. асс., при одном бенефисе.

Кулинарные таланты Авдотьи Савельевны не пропали даром и в столице, напротив, они нашли здесь для себя более широкое поприще и заслуженное внимание. Она повела Сорокина на кухню и показала многое-множество посуды, на полках, с верху до низу стен.

— На что вам, матушка, столько посуды? - спросил озадаченный провинциал.

— Нельзя иначе — отвечала Авдотья Савельевна: в бенефисный вечер, на ужин приходит иной год человек 300, ну, а занимать посуду нам — не ловко, тоже...

Счастливая мать...

В. Ястребов.

Елисаветград,
2-го августа, 1882 г.

(«Русская старина», том XXXVI, 1882 г., № 11.)

1 В метриках греческой церкви с 1813 г. снова пробел. Но в 1817 г. записан умершим от чахотки какой-то Афанасий Петров, рядовой, 62 лет, а восприемником «незаконнорожденного Иосифа» значится тоже солдат — Михаил Сомделин. Впрочем, мы не решаемся строить на этом предположения, если не окажется впоследствии более определенных данных.

2 Теперь на этом месте другой дом, принадлежащий еврею Златопольскому

3 Место, где была школа, — ныне в черте ограды греческой церкви.

4 Определение слова крамарный товар находим в прошении торговцев 13-го марта 1820 г.: «торговля, называющаяся по здешнему краю крамарной, состоит в собственном их (торговцев) руводельи, как-то: очипках, рубахах, штанах, свитах, чекменях, халатах, холстяных набойках, тесьмах, шнурках, поясах, нитках, трубках, курительных чубуках и друг, мелочей».

5 Дом этот, сохранившийся до сих пор, находится на углу улиц Петровской и Невской и принадлежит теперь еврею Бортнику. Когда поселился здесь Петров, здесь был пустырь, и очень может быть, что Петров-ская улица от него получила свое наименование.